

Нобелевскую премию по литературе не вручили

4 октября, в четвертый день «Нобелевской недели», в Стокгольме должны были назвать имя нового лауреата.

Загвоздка в том, что начиная с прошлой осени самым часто упоминаемым в прессе – в связке с «Нобелевская по литературе» – персонажем стал 72-летний француз, добившийся успехов скорее на ниве визуальных искусств, чем словесности. В связи с открывшимися обстоятельствами скандального характера – касающимися членов Академии и укладываемым в широко распространенный шаблон «вмешательство в выборы» – было принято решение временно, на год, приостановить процесс присуждения наград.

Разумеется, никакой рациональной, научно установленной связи между способностью сделать адекватный выбор в литературе и участием в табуированной сексуальной активности не существует, и то, что споткнулись академики именно на сексе, говорит прежде всего о том, что секс здесь ни при чем (потому что если дело в нем, то сама возможность существования достойной организации есть химера).

Скандал с коррупцией «имел право» вспыхнуть где угодно, но не на заднем дворе его Величества Карла XVI Густава. Легитимность решений комитета в коллективном сознании была привязана к самому образу страны, ассоциирующейся с политической нейтральностью, психологической сдержанностью, технологической «безопасностью», приверженностью к «натуральной», естественной

демократии; покупатели томиков Герты Мюллер и Боба Дилана, Светланы Алексиевич и Гао Синцзяня полагали, что у них есть основания надеяться, что группа объявивших себя академиками людей из Швеции в качестве экспертов по досуговым практикам «надежнее» их коллег из Мали или Вануату, которых также осенила идея создать профессиональное объединение узкого профиля.

Тем острее оказалась фантомная боль читателей, столкнувшихся 4 октября 2018-го с неисполнением своих инерционных ожиданий.

К счастью, Шведская академия любезно сочла нужным смягчить моральные страдания миллионов участников ежегодного ритуала – и, не ограничившись дежурными заявлениями о необходимости собраться с мыслями, перегруппировать силы и подзарядить батареи, пошла на беспрецедентные меры.

В считанные месяцы после начала публикации безразмерного перечня жертв злополучного фотографа стартовала экстренная мобилизация всех наличных шведских библиотекарей, усилиями которых была проведена внеплановая ревизия сокровищ мировой словесности и, по ее итогам, от имени Новой (эрзац-) академии, обнародован убедительный список потенциальных «альтернативных» лауреатов, учитывающий безусловное, не сказать безраздельное доминирование шведских авторов в сегодняшней мировой литературе.

Мы знаем, что зыбь и прежде нет-нет да и пробегала по гладкой поверхности шведского озера. На протяжении десятилетий Администрация премии вынуждена была лавировать между полюсами силы и соблюдать баланс между явно и неявно политизированными решениями: сегодня Черчилль, завтра Шолохов, послезавтра Белль; можно было называть это непоследовательностью, можно – беспринципностью, но стратегия выбора вызвала нарекания.

Правда даже не в том, что исповедующий идею высшей, анонимной справедливости Нобелевский комитет много лет делал ставки на непрозрачность своей деятельности – и в итоге вынужден был

признать, что это было проявлением вопиющей некомпетентности.

Правда в том, что компетентной инстанции в области литературы нет и быть не может: никаких объективных инструментов калибровки текста по шкале изящности так и не придумано – в связи с тем, что всякая литература есть уникальное нарушение существующей языковой нормы. Каждому новому поколению «судей» остается либо поощрять эпигонов – воспроизводящих существующий канон, либо лепить ярлыки «гений» наобум, опираясь на «вкус» и «интуицию», для оценки которых тоже следовало бы нанимать отдельные жюри. Правда в том, что границы между удачным и неудачным нарушением норм – продукт договоренности элит; и когда элиты не могут найти общую платформу – самое уважаемое, обладающее самым значительным социальным капиталом жюри мгновенно превращается в ансамбль имени «Курам на смех».

События последнего года наглядно иллюстрируют этот эволюционный закон.

Таким образом, дело не в крушении мечты о существовании Идеального Текста – или Идеального Инструмента для его выявления.

Несмотря на драматичные осцилляции графика интереса людей к чтению, литература остается важной социальной практикой, которая позволяет социумам успешно формировать систему общих смыслов, готовить почву для преодоления «естественных» политических и экономических разногласий, конструировать идентичности как отдельных народов, так и «воображаемой нации» – так называемого «всего человечества».

Нобелевская премия по литературе была одним из инструментов, с помощью которых мировые элиты регулярно подавали сигнал о своей способности договариваться друг с другом: несмотря на то что у нас разная история, политические интересы и представления о прекрасном, мы можем проявлять солидарность и в состоянии встречаться на общей символической платформе.

И если начало скандала можно было интерпретировать всего лишь

как симптом зарождающейся болезни, то «Пустое 4 октября» – и есть катастрофа. Мы наблюдаем крушение одной из важнейших институций, обеспечивавших функционирование миропорядка XX века. Впервые – за десятилетия – не удалось сконструировать общую идентичность.

В переводе на язык политологии это означает, что противоречия между элитами сделались непримиримыми; в переводе на язык обывателя – что мир находится на пороге большого конфликта.

Остается надеяться, что в круг общения 72-летнего фотографа не входили академики из других секторов комитета – и экономисты будущего не лишатся шанса стать лауреатами за исследования о связях между несанкционированным доступом к качественному сексуальному потреблению и вмешательством в выборы.

